

Роман Бродавко

Эмиль Гилельс: страницы жизни

19 октября исполнилось 100 лет со дня рождения одного из самых выдающихся музыкантов-исполнителей XX века, нашего земляка Эмиля Гилельса. О его жизни и творчестве написаны книги и сотни статей. Записи исполненных им произведений постоянно изучаются и становятся основой для современных интерпретаций классической музыки. Для многих пианистов его прочтение сочинений Л. Бетховена, Ф. Листа, К. Сен-Санса, К. Дебюсси, М. Равеля, П. Чайковского, С. Рахманинова, А. Скрябина, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, М. Вайнберга является эталонным. В них предстает «живой» Гилельс – тот, который завораживал тысячи слушателей у себя на родине и за рубежом. Гилельс – мыслитель, Гилельс – художник, Гилельс – личность, которая никогда не шла на компромиссы с властью и со своей совестью...

Родители Эмиля Григорьевича соединили свои судьбы не в первой молодости. Оба вдовцы, они поженились, имея детей от первых браков. Большая семья Гилельсов была крепкой. Здесь всегда заботились и помогали друг другу. В поле зрения, конечно, в первую очередь были младшие: Эмиль и Лиза, в будущем выдающаяся скрипачка Елизавета Гилельс, которая была на три года младше брата.

Отцу будущего пианиста Григорию Григорьевичу были свойственны мягкость, деликатность, сдержанность, в то время как мать Эсфирь Самойловна была человеком волевым, энергичным, настойчивым. Впоследствии эти качества удивительным образом сочетались в натуре Эмиля Григорьевича.

Родители Эмиля и Елизаветы не были музыкантами. Зато они сумели заметить одаренность детей и организовать их обучение

музыке. За это им честь и слава. Назвать отца и мать Гилельса далекими от музыки, как это делают некоторые биографы, не поворачивается язык. Эмиль Григорьевич вспоминал, что у отца был абсолютный слух, тонкое восприятие звучащей музыки. И еще каллиграфический почерк, благодаря которому отец переписал для сына «Токкату» Равеля, ноты которой Эмиль получил только на одну ночь.

В доме Гилельсов было фортепиано. Наверняка не как предмет обстановки...

К известному в Одессе педагогу Якову Ткачу четырехлетнего Эмиля привела старшая сестра. Ткач посчитал, что мальчик еще слишком мал, и попросил прийти через год. В пять лет Гилельс начал заниматься со своим первым учителем.

О личности Якова Исааковича Ткача известно немного. В молодые годы он учился в Париже у знаменитого пианиста Рауля Пюньо. Сам Пюньо был учеником Ж. Матиаса, занимавшегося, в свою очередь, у Шопена. Ткач был убежден, что музыкой заниматься надо с жесткой систематичностью. Он был уверен, что основы пианистической техники закладываются в детстве.

Ткач приучил своего ученика регулярно играть гаммы, и Эмиль Григорьевич это делал всю жизнь. Яков Исаакович первый предсказал Гилельсу его великое будущее и делал все, на что был способен, чтобы раскрыть его талант.

Ткач приходил к Эмилю домой поздно вечером, уставшим после многих уроков (формально он работал на Музыкальных курсах), но с ним он обретал второе дыхание.

Яков Исаакович занимался с Гилельсом до тех пор, пока мальчик окончательно не терял способности хоть что-нибудь воспринимать. Но при этом оба были воодушевлены: Ткач умел в нужный момент похвалить, поддержать своего воспитанника.

Серьезные занятия музыкой не мешали Эмилю быть живым мальчишкой. По воспоминаниям моей матери Г.С. Зильберглейт, которая в детстве жила в соседнем с Гилельсами дворе и дружила с Елизаветой Григорьевной, он часто играл с ребятами в футбол, шайлу и выделялся среди них разве что огненно-рыжей шевелюрой...

В 1924 году Гилельс отыграл на Музыкальных курсах свой первый экзамен. В неполные восемь лет он исполнил все три части

сонаты Моцарта, этюд Черни и «Тамбурин» Рамо, а затем – «Военный марш» Шуберта-Таузига. На слушателей его игра произвела ошеломляющее впечатление. Не было сомнений в незаурядности юного пианиста.

Однажды Ткач сказал своего ученику, что верит: он будет великим артистом, поедет сначала в Москву, потом в Париж, Нью-Йорк... и его антрепренером будет знаменитый Сол Юрок, который устраивал концерты Шаляпина. Ткач не ошибся. Почти сорок лет спустя Гилельс признался: «Никогда не забуду, что Ткач помог мне поверить в свои силы».

А тогда у Эмиля шла обыкновенная повседневная жизнь: занятия в общеобразовательной школе, занятия у Ткача и посещение концертов – музыкальная жизнь Одессы в то время была очень насыщенной. Так, в 1927 году в наш город приехал на гастроли Сергей Прокофьев. Гилельс был на его концерте, и ему запомнилась прокофьевская игра «наотмашь». А Прокофьеву тогда, конечно, и присниться не могло, что в зале сидит мальчик, который станет первым исполнителем его «главной» – Восьмой сонаты. Тогда же слышали Прокофьева и Ойстрах, и Рихтер, на которых он произвел огромное впечатление.

Но пришло время, когда педагогические возможности Ткача оказались исчерпаны. Яков Исаакович понимал, что Гилельсу нужен другой педагог...

Из воспоминаний композитора К.Ф. Данькевича: «В последних числах мая 1929 года на заседание Одесской организации композиторов талантливый педагог Я.И. Ткач привел своего ученика, 13-летнего Милю Гилельса. О нем первый учитель говорил с необычайным волнением, как о выдающемся таланте. Мальчик смело сел за рояль и исполнил «Патетическую сонату» Бетховена. Несмотря на то, что мальчик не мог еще со всей глубиной раскрыть идейную сущность сонаты, его игра нас всех буквально потрясла. Уже тогда мы ощутили львиную хватку, стальной ритм, могучую энергию и солнечный темперамент 13-летнего пианиста».

Дата 11 июня 1929 года стала для Гилельса рубежной. В 1979 году он сам недвусмысленно заявил об этом, отметив пятидесятилетний юбилей творческой деятельности серией концертов в Одессе, Москве и ряде зарубежных городов.

В 1930 году Гилельс был принят в Одесскую консерваторию, в класс Берты Михайловны Рейнгбальд. Тогда ему еще не исполнилось четырнадцати лет. Юноша переживал «переходный возраст», в его характере проявлялись упрямство и своеволие. Тем не менее Берте Михайловне удалось обуздать строптивого подростка. Рейнгбальд навсегда стала для него не просто наставником, но и другом.

О том, каким был Гилельс в те годы, вспоминала его соученица по Одесской консерватории Л.Н. Гинзбург: «Наряду с известной зрелостью и сосредоточенностью в Эмиле проявлялись и свойственные возрасту мальчишеские озорство и – хотя он был немногословен – большое чувство юмора».

Рейнгбальд всесторонне воспитывала Эмиля. Она следила за его духовным развитием: давала книги, которые он должен был прочесть, знакомила с живописью, водила в театр. Берта Михайловна часто играла с Гилельсом в четыре руки, применяя этот испытанный метод воспитания музыканта.

Определенное влияние на Гилельса оказывали люди из круга Рейнгбальд. Здесь в первую очередь следует назвать музыковеда, профессора Б. Тюнеева и профессора-кардиолога А. Сигала. Они сразу же распознали в юном Гилельсе незаурядную личность и прикладывали максимум усилий для его творческого становления.

Из воспоминаний профессора Сергея Гешелина:

«В 1930-е годы юный Гилельс часто бывал в доме моих родителей – Александра Исааковича и Татьяны Яковлевны Гешелиных.

Моя мать дружила с педагогом Гилельса Бертой Михайловной Рейнгбальд...

В доме родителей был великолепный рояль, как-то связанный с именем С.В. Рахманинова: он то ли подарил его первой жене моего отца пианистке Эсфири Александровне Чернецкой-Гешелиной, то ли играл на нем в их петербургской квартире. Среди семейных реликвий, оставшихся у отца после смерти первой жены, хранились ноты с дарственными надписями композитора. И рояль, и ноты сгорели в 1941 году.

Именно здесь, в этом доме, на этом рояле проходили постоянные занятия мальчика Гилельса под руководством Берты

Михайловны. Они подолгу работали, репетируя перед выступлениями Эмиля. Обычно подряд исполнялось несколько пьес, потом Берта Михайловна что-то объясняла, реже – показывала сама, и ученик повторял эпизоды, фразы, пассажи, а иногда и отдельные ноты. Я не понимал, чего они добивались. По моим тогда еще совсем детским представлениям, невозможно было играть лучше, чем играет этот большой мальчик. Позднее я понял, что именно этот казавшийся мне ненужным труд и привел феноменальное дарование Гилельса к вершинам...

Изредка дома устраивались музыкальные вечера. Приходил профессор Александр Маркович Сигал, известный терапевт-кардиолог, отличный знаток музыки, дирижировавший спектаклями в оперном театре (теперь это выглядит неправдоподобно!); профессор Федор Маркович Чудновский, хорошо игравший на скрипке. Мой отец, профессор Одесского медицинского института, играл на виолончели, мать – на рояле. Иногда они музицировали, чаще – беседовали, спорили, обсуждали. Событием на таких вечерах были выступления молодого Гилельса, который приходил с Бертой Михайловной, и они, по-видимому, «прогоняли» программу будущего концерта.

Иракий Андроников в одном из устных рассказов говорит об «атмосфере интеллектуального озона». Не опасаясь показаться нескромным, я полагаю, что эта броская метафора определяет атмосферу, которая царил в довоенном доме моих родителей. Думаю, что общение с людьми высокой культуры способствовало гармоничному развитию юного Гилельса, ставшего впоследствии одним из величайших музыкантов мира».

Между тем семья Гилельса жила в большой нужде. Платные «общедоступные» концерты, в которых Гилельс вынужден был участвовать, оплачивались мизерно. Однажды Берте Михайловне стало известно, что ее воспитанника видели играющим в ресторане. Это могло стать началом его пути в никуда. Надо было что-то предпринимать, и Рейнгальд нашла выход. Она решила направить Гилельса на Второй Всеукраинский конкурс пианистов, несмотря на то, что по возрасту он не имел права в нем участвовать. Эмиль выступал там вне конкурса. Конкурс проходил в Харькове, тогда столице Украины. Одаренным участникам этого творческого

соревнования назначались солидные стипендии, и Гилельс получил персональную стипендию правительства Украинской ССР. Это стало для семьи Эмиля существенной материальной поддержкой.

Далее следовало показать Гилельса в Москве. Его привели к профессору Г.Г. Нейгаузу, однако игра Эмиля не произвела на него впечатления. В своих записках Рейнгалльд сообщает: «Зимой 1933 года, за несколько месяцев до Всесоюзного конкурса, я отправилась с Эмилем в Москву. Его прослушали. Оценка дарования была сдержанной».

Следующим важным этапом в жизни Гилельса стал Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей 1933 года. Участников было очень много. Только Москва представила свыше сорока пианистов. Из Ленинграда приехало двадцать человек... Представители столичных школ явно претендовали на призовые места. Однако Гилельса «услышали» сразу. Его игра завораживала. Когда Эмиль сыграл завершавшую программу фантазию Листа на темы из оперы Моцарта «Свадьба Фигаро», стало ясно, что этот одессит – единственный бесспорный лидер фортепианного конкурса. Члены жюри стоя аплодировали пианисту, которому тогда еще не исполнилось семнадцати лет.

На заключительный концерт лауреатов прибыло все правительство во главе со Сталиным. После концерта вождь пригласил Эмиля к себе в ложу, расспрашивал о его жизни и об учебе. Это была высокая честь!..

А для профессионалов и глубоких слушателей было ясно: рыжеволосый юноша из Одессы – это исключительное явление. Г. Гордон, автор интересной и глубокой монографии о великом пианисте, справедливо утверждает: «Эмиль Гилельс – человек нового, другого времени, другого мировосприятия, он нес в себе этот новый стиль, был его воплощением; он слышал свое время, и иначе не мог: так было ему «предписано». Потому и шли «звездные войны» вокруг его имени: от него ждали «похожего», знакомого, устоявшегося, – а он опрокидывал сложившиеся представления, и нелегко было многим – несмотря на убеждающую и, я бы сказал, подавляющую силу его искусства – расстаться со своими представлениями, казавшимися непоколебимыми и «единственно верными». Все новое не всегда ведь «единодушно одобряется».

В 1934-1935 годах Гилельс отправился на послеконкурсные гастроли. Они прошли успешно. Ему настойчиво советуют переехать в столицу, но Гилельс возвращается в родной город, к любимому педагогу. А после окончания Одесской консерватории все же оказывается в Москве: правительство Украинской ССР направило его в Школу высшего художественного мастерства – так в те годы называлась аспирантура.

Руководителем Эмиля в аспирантуре стал Генрих Нейгауз. Однако с Нейгаузом Гилельс общего языка не нашел, да и консерватория встретила его не слишком-то дружелюбно: он здесь был чужаком, который, опередив столичных студентов, стал знаменитым. Понадобилось время, чтобы все утряслось.

Столица втянула Гилельса в бурный водоворот культурной жизни – театры, концерты, выставки... Он жадно впитывал впечатления, которые расширяли его кругозор и способствовали совершенствованию его исполнительского стиля.

В 1936 году правительство направило двух одесситов: Эмиля Гилельса и Якова Флиера в Вену на международный конкурс пианистов. Первое место занял Флиер, второе – Гилельс. В те времена лауреатство имело значительно более высокую ценность, чем сейчас. Оно сразу ставило молодого музыканта в один ряд с мастерами. И еще: по мнению партийного руководства, советские музыканты – победители международных творческих соревнований олицетворяли преимущества нового общественного строя, который обеспечивает условия для выявления и воспитания талантов.

В 1937 году в Брюсселе состоялся международный конкурс скрипачей. Он был очень трудным, однако принес нашим музыкантам внушительные успехи. Победителем стал Давид Ойстрах, а призовые места завоевали Елизавета Гилельс, Борис Гольдштейн и Михаил Фихтенгольц. Все они – одесситы, ученики профессора П.С. Столярского.

Теперь очередь была за пианистами. В мае 1938 года в Брюсселе проходил международный конкурс пианистов. И вновь государство жаждало продемонстрировать перед всем миром «процветание социалистического искусства». На конкурсе победил Гилельс. Это был заслуженный успех, пришедший в результате

острой конкурсной борьбы. Двадцатидвухлетний Эмиль Григорьевич поразил жюри и публику глубиной и оригинальностью исполнительских трактовок, ярким темпераментом, виртуозным владением инструментом. Эта победа была бесспорной. С нее началась его мировая слава...

Когда началась война, Гилельс принял решение пойти на фронт. Как многие москвичи, которые не подлежали призыву в армию, он записывается добровольцем в народное ополчение.

Когда Сталину доложили об этом, он сказал о Гилельсе: «Вот настоящий герой». На фронт Гилельса, несмотря на его желание сражаться с врагом, не пустили...

Но Эмиль Григорьевич действительно был героем, который не боялся заступаться за тех, кто подвергался репрессиям. В 1998 году сын Бориса Пастернака Евгений Пастернак опубликовал переписку своих родителей. Письма он скрепил собственными комментариями и воспоминаниями. Читаем: «14 октября он [Борис Пастернак] выехал из Москвы в Чистополь как член Правления Союза писателей, которое было особым распоряжением эвакуировано в страшные дни немецкого наступления на Москву. Неподчинившиеся указу об эвакуации подвергались опасности ареста со стороны НКВД – как «предатели», ждущие прихода немцев. Особенное подозрение вызывали лица немецкого происхождения. Многие были расстреляны в те дни. Через несколько дней после папиного отъезда арестовали Генриха Густавовича Нейгауза. Заступничество Эмиля Гилельса спасло его от гибели».

Нейгауза держали в тюрьме на Лубянке, и ему грозил расстрел. Ситуация очень напоминает ту, которая сложилась в Одессе с Теофилом Рихтером, которого расстреляли. Заступиться за учителя-немца было подвигом. Но тогда Гилельс выполнил то, что считал своим долгом. Дочь профессора Нейгауза М.Г. Нейгауз так описала подробности тех дней:

«Во время войны, когда Генриха Густавовича арестовали (4 ноября 1941 г.), Эмиль Григорьевич продолжал навещать нас. Тот, кто жил в то время, помнит, как многие боялись даже здороваться с родственниками арестованных. И действительно, встречаться с ними было опасно: могли случиться самые неожиданные непредсказуемые последствия, вплоть до ареста. И только очень

мужественные люди приходили в дом, где кто-то был арестован. Э.Г. Гилельс принадлежал к числу таких людей.

Когда впервые разрешили передачу в тюрьму для Генриха Густавовича в голодные дни апреля 1942 г., Эмиль Григорьевич принес большую коробку папирос и батон колбасы».

Каким же образом Гилельсу удалось отстоять Нейгауза? Он сделал самый рискованный шаг. После концерта в Кремле, на котором играл, он пожаловался самому Сталину: арестован его профессор, несправедливо, нельзя ли его освободить? Сталин долго медлил с ответом, покуривая трубку; наконец изрек: «С этим вопросом больше ко мне не обращайся». Это был приговор. Все, никакой надежды.

Прошло несколько месяцев. Снова концерт в Кремле – в присутствии приехавшего в Москву Уинстона Черчилля. В этот вечер Сталин был в хорошем настроении – шутил, посмеивался... И Гилельс решился. Он подошел к Сталину, рядом был Черчилль. Вдруг Сталин обнял Гилельса за талию и произнес: «Вот, говорят, у Гитлера хорошо поставлена пропаганда... У Гитлера есть Геббельс, – а у меня есть Гилельс!». Тут-то Гилельс и повторил свою просьбу. Сталин выслушал и подозвал Поскребышева: «Надо помочь человеку...». Все было сделано незамедлительно. Никакие другие ходы не могли иметь такого действия. Нейгауз был выпущен из тюрьмы, но «взамен» отправлен на Урал, за Свердловск, на тяжелые работы».

В годы войны Гилельс ведет активную концертную деятельность. В 1943 году одним из первых он летит в блокадный Ленинград. На его концертах Большой зал филармонии был переполнен. Рассказывали, что, когда Гилельс играл, слушатели не замечали артиллерийской канонады. Наряду с классикой Эмиль Григорьевич исполнял новые произведения. В самом начале 1943 года представил премьеру недавно законченной Седьмой сонаты Прокофьева Святослав Рихтер. Следом за ним в этом же году сонату сыграл Гилельс. «Чрезвычайно требовательный к исполнителям, – писал Я. Флиер, – Сергей Сергеевич восторженно отзывался об игре Гилельса. Помню характерную для Прокофьева фразу, сказанную им в Большом зале консерватории после того, как прозвучала Седьмая соната. «Отлично разыграл сонат-

ку», – произнес он дважды, с довольным видом потирая руки...» И здесь же Прокофьев сказал, что он хотел бы видеть Гилельса первым исполнителем своей новой, следующей фортепианной сонаты. Прошло совсем немного времени, и осенью 1944 года композитор передал Гилельсу рукопись Восьмой сонаты – самой сложной и значительной из всех им созданных. Гилельс быстро выучил ее и через два месяца, 30 декабря, накануне победного 1945 года, блистательно исполнил в своем концерте в Большом зале Московской консерватории.

О личной жизни известных людей в СССР не принято было распространяться, о ней только шептались или сплетничали. И все же, опираясь на факты, историки искусства должны правдиво и корректно говорить о том, как складывалась личная жизнь героев их исследований.

В 1940 году Гилельс женился на пианистке Розе Тамаркиной. Она, как и Эмиль, в детстве проявила исключительные способности к музыке. В 1925-1931 училась в школе 1-й ступени Киевской консерватории, в классе Н.М. Гольденберг, затем была принята в «Особую детскую группу», организованную при Московской консерватории А.Б. Гольденвейзером, в класс А.Д. Артоболовской. Уже в 1933 Тамаркина приняла участие в Первом Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, где получила специальную премию (по возрасту она не могла считаться полноправной участницей конкурса), а через два года, уже будучи студенткой Гольденвейзера в Московской консерватории, она уверенно заняла первое место на Втором конкурсе.

Поистине триумфальным стало выступление 16-летней Тамаркиной на Третьем Международном конкурсе имени Шопена, проходившем в Варшаве в феврале-марте 1937 года. Блестяще исполнив конкурсную программу, пианистка завоевала симпатии публики и жюри (в числе судей были Генрих Нейгауз, Эмиль Зауэр, Вильгельм Бакхауз) и получила вторую премию, уступив лишь Якову Заку. Польская газета «Kurjer Warszawski» писала: «Исполнение Розы Тамаркиной наделено эмоциональными чертами уже сложившейся художественной индивидуальности, которая бы сделала честь не одному взрослому пианисту».

Вскоре по возвращении из Варшавы ее награждают – «за исключительные успехи в области музыкального искусства» – орденом «Знак Почета». Студентку, не достигшую еще двадцатилетнего возраста, в 1939 г. избирают депутатом Моссовета. В 1940 она с отличием оканчивает консерваторию и поступает в аспирантуру сначала к Гольденвейзеру, а в 1943 переходит в класс Константина Игумнова. Во время войны, находясь в эвакуации вместе с коллективом консерватории, Тамаркина продолжает концертную деятельность, в конце 1942 играет концерт в Москве.

Брак Розы с Гилельсом оказался несчастливым. В 1943 году они расстались.

С 1947 Тамаркина начала преподавать в консерватории, не прекращая выступлений, однако неизлечимая тогда болезнь (лимфогранулематоз), первые признаки которой начали появляться еще в начале 1940-х, привела к ее скорой смерти. Она скончалась в 1950 году.

О большом чувстве, которое испытывал Эмиль Григорьевич к Буне Абрамовне Гиршберг, стало известно относительно недавно, когда ее дочь опубликовала письма Гилельса, адресованные матери.

Буня Гиршберг родилась в 1914 году в Лиенае (Либаве) в многодетной семье. В юности она сначала была активисткой сионистского молодежного движения, а потом, в 1931 году, увлеклась революционной деятельностью, состояла в подпольной комсомольской ячейке. В 20 лет Буня оказалась в тюрьме и провела там полгода. После освобождения из заключения она окончила медицинское училище и работала в еврейской больнице Лиенаи.

В ноябре 1940 года Буня вышла замуж за директора банка Гирша Маркса. Ее замужняя жизнь не продлилась и года. С приходом в Латвию немцев Гирш пошел в ополчение, попал в плен. Фашисты повесили его как еврея и коммуниста. Однако перед уходом в ополчение он успел посадить Буню в эшелон, который отправлялся в Киров (Вятку). Не успевшие эвакуироваться мать Буни и две ее сестренки попали в гетто и погибли.

...В начале 1944 года Эмиль Гилельс, выступавший с концертными бригадами в разных воинских частях, прибыл в Киров. У него неожиданно разболелась кисть руки. Ему сказали, что в городе есть хороший массажист, и привели к Буне Маркс. Так они

познакомились. Там, в Вятке, начался их роман, который длился полтора года... О нем было известно матери пианиста Эсфири Самойловне, сестре Лизе, Давиду Ойстраху и другим близким.

О том, насколько чувства Эмиля Григорьевича к Буне были глубокими и искренними, свидетельствуют 19 писем, которые относительно недавно опубликованы в Израиле дочерью Буни.

...Особой сердечностью и нежностью проникнуты строки Гилельса, обращенные к Буне:

«Мне сейчас очень тяжело, во-первых, оттого, что тебя нет со мной рядом, а во-вторых, обстановка и тяжелые задачи, которые я должен решить в течение этого месяца, очень развинтили меня. К сожалению, моя профессия очень требовательна, а сейчас некстати жестока ко мне.

Масин (так ласково называл он Буню Абрамовну. – Р. Б.), моя единственная, мне так тебя не хватает... Мне хочется с тобой поговорить, быть вблизи... Ведь сегодня у меня абсолютно нет человека дороже тебя...»

Что послужило причиной разрыва отношений, доподлинно неизвестно. Через много лет на вопрос дочери: «Почему ты не связала свою жизнь с Гилельсом?» – Буня Абрамовна ответила: «У него был сложный характер, и я побоялась...». Возможно, были и какие-то другие причины, однако всю жизнь эта женщина с теплотой вспоминала об Эмиле Григорьевиче, пристально следила за его концертной деятельностью.

После войны Эмиль Гилельс женился на Фаризет Хуцистовой – выпускнице Московской консерватории по классу композиции. Она была настоящей хранительницей их домашнего очага. Фаризет Альмахситовна была незаурядной личностью. Она писала стихи и всю жизнь занималась систематизацией архива Эмиля Григорьевича, причем каталогизировала все его письма и программы (и даже медицинскую документацию). Она также составила полный хронограф концертов Эмиля Гилельса за 50 лет.

В этом браке родилась дочь Елена. Она окончила Московскую консерваторию по классу Я. Флиера, стала лауреатом международного конкурса в Монтевидео в 1972 году.

Елена Гилельс была концертирующей пианисткой, гастролировала по всему миру, выступала в дуэте с отцом. Кроме того,

Елена преподавала в Московской консерватории и в Остравском университете (Чешская Республика). Она умерла в 48 лет от онкологического заболевания, а вскоре после этого, 22 сентября 1998 года, в Москве от ишемической болезни сердца ушла из жизни и ее мать, которая не перенесла тяжелую утрату.

Но вернемся к Эмилю Григорьевичу. С начала 1950-х он начал регулярно гастролировать на Западе и вошел в мировую исполнительскую элиту, с триумфом выступая в музыкальных столицах мира с лучшими оркестрами и ведущими дирижерами.

Репертуар Гилельса был необычайно широким и включал практически всю фортепианную литературу от И.С. Баха и Д. Скарлатти до музыки XX века.

Особыми достижениями Гилельса были интерпретации виртуозных сочинений Ф. Листа (запись фантазии на темы из оперы В.А. Моцарта «Свадьба Фигаро» стала сенсацией), сочинений К. Сен-Санса, К. Дебюсси, М. Равеля, П. Чайковского, С. Рахманинова, А. Скрябина, С. Прокофьева, Д. Шостаковича и М. Вайнберга.

Гилельс играл и записывал сочинения Д. Кабалевского, Ф. Пуленка, П. Владигерова. Особое место в его репертуаре занимал Л. Бетховен, чьи концерты для фортепьяно с оркестром он многократно исполнял и дважды записал. В последние годы жизни Гилельс записывал все сонаты Бетховена, но не успел завершить эту работу.

Гилельс был не только ярким солистом, но и тонким камерным исполнителем. Среди его партнеров были скрипачи Л. Коган, Елизавета Гилельс, виолончелист М. Ростропович, квартеты имени Л. Бетховена, имени А. Бородина и «Амадеус»...

С 1938 года Эмиль Григорьевич преподавал в Московской консерватории, сначала как ассистент Нейгауза – и здесь ярко проявился его педагогический дар.

В конце 80-х годов мне посчастливилось говорить о нашем великом земляке с его ученицей пианисткой Мариной Мдивани, которая приехала в Одессу на гастроли. Марина Викторовна называла Эмиля Григорьевича не иначе как «мой дорогой профессор». По ее словам, занятия с Гилельсом были наполнены светом. Он никогда не навязывал своего мнения, не раздражался, когда что-то у студента не получалось, он спокойно рассуждал, приво-

дил аргументы, которые оказывались бесспорными. Очевидно, взяв на вооружение педагогические принципы своего наставника Б.М. Рейнгалда, он часто играл со студентами в четыре руки.

– Мой дорогой профессор был исключительно порядочным человеком, – говорила Марина Мдивани. – Он всегда был выше интриг и сплетен, которые распространялись в консерваторской и шире – московской музыкальной среде и портили жизнь многим талантливым музыкантам. Это не означает, что они не раздражали его. Многие несправедливости, а порой и откровенное хамство по отношению к нему рубцами ложились на его сердце. Но внешне он был всегда выдержанным и спокойным. И всегда во главу угла ставил музыку.

Будучи членом партии, лауреатом Ленинской и Государственных премий, народным артистом СССР, Эмиль Григорьевич никогда не прогибался в угоду политической конъюнктуре. Еще в 1953 году, в сталинские времена, Гилельс отказался подписать коллективное письмо советских евреев, осуждавшее врачей-вредителей. Эмиль Григорьевич мог жестоко поплатиться за это, но он никогда не шел против совести...

Честность и принципиальность Гилельса ярко проявлялись на международных конкурсах, где он возглавлял жюри. Его мнение, его авторитет, его полная незаангажированность приводили к объективным результатам. А главное – дальнейшая концертная деятельность конкурсантов-лауреатов доказывала правоту Эмиля Григорьевича.

Еще об одном эпизоде из жизни Гилельса нельзя не вспомнить. В 1944 году покончила с собой Берта Михайловна Рейнгалд. Надо ли оговорить, с какой болью воспринял известие об этом Эмиль Григорьевич!..

Обратимся к известному одесскому краеведу и писателю Александру Юльевичу Розенбойму:

«...Ученики Берты Михайловны вознамерились было поставить памятник на ее могиле, но, как оно часто бывает, чем больше людей собираются что-либо сделать совместно, тем трудней им договориться. Кончилось тем, что приехал Эмиль Гилельс и поставил изящный беломраморный памятник с лаконичной, лишенной сусальных кладбищенских сантиментов, надписью:

«Дорогому учителю и другу». Но все это было уже много позже. На трагедию в Одессе соболезнующими телеграммами отозвались коллеги, друзья, знакомые – порядочные люди разных профессий и национальностей: актер Михаил Астангов, историк Милица Нечкина, пианисты Генрих Нейгауз и Яков Флиер, композиторы Арам Хачатурян и Дмитрий Шостакович, академик Филатов, профессор Елена Гнесина... И только в родной Берте Михайловне Одессе ни в одном из двух выходивших тогда местных партийных изданий, ни в «Большевицком знамени», ни в «Черноморской коммуне», не нашлось нескольких квадратных сантиметров газетной площади и самой маленькой черной траурной рамки для того, чтобы почтить память покойной...

Осенью 1974 г. исполнилось 30 лет со дня гибели Берты Рейнгальд, и Гилельс приехал в Одессу дать концерт памяти своего Учителя, и хотел, чтобы это было отражено на афише. Руководство города отказалось это сделать. Дело дошло до обкома партии, который категорически был против упоминания имени Рейнгальд. Тогда Гилельс заявил, что концерта не будет. В об-

коме поняли, что будет скандал, и отступили. Концерт состоялся, на афише было написано: «В память профессора Б.М. Рейнвальда». Гилельс вышел на сцену с черной траурной повязкой и играл любимые произведения своего учителя. Но в местной прессе не было ни одной рецензии: не было велено!

Гилельс говорил: «Слово *учитель* – высокое слово. Таких учителей-музыкантов, которые шли бы на самопожертвование, в истории педагогики единицы. Я учился у трех педагогов. Один из них был истинным учителем: этим Учителем с большой буквы была Берта Михайловна».

В 1960-1970-х годах Гилельс стал одним из наиболее востребованных в мире советских музыкантов. На гастролях по стране и на зарубежных гастролях он проводил около девяти месяцев в год. В 1981 году после одного из концертов в Амстердаме у Эмиля Григорьевича случился инфаркт, от которого ему так и не удалось полностью оправиться, хотя со временем он вернулся к концертной деятельности. Его последнее выступление состоялось в сентябре 1985 года в Хельсинки.

Гилельс скончался в Москве 14 декабря 1985 года.

Гении всегда уходят непревзойденными. Они – вне сравнений. Новые поколения рожают новых великих людей. Но они, другие, в той или иной мере несут в себе некоторые черты своих предшественников. В этом проявляется преемственность исполнительских традиций. «Мимо Гилельса» пройти нельзя. Он – один из самых выдающихся музыкантов в истории музыки, оставивший в ней неизгладимый след.

